

"Новые правые" в России: национальные предпосылки заимствованной идеологии

Игнорируя дичайшую терминологическую неразбериху с дефинициями политической "правизны" и "левизны" для перестроечной и посткоммунистической России, я употребляю в этом докладе понятие "русских новых правых" совершенно однозначно: как определение идеологов, сознательно ориентированных на парадигму западных "новых правых", и именно европейского "антиатлантистского" крыла последних. Тогда для России эталонными "новыми правыми" оказывается возглавленная А.Дугиным группа авторов, связанных с издательством "Арктогея" и журналом "Элементы" (Е.Федоров, В.Штепа, И.Числов, Н.Мелентьева и др.). Политолог, изучающий идеологические искания в России 90-х годов и, в частности, отметившую это время моду на геополитику, совершит большой промах, если обойдет вниманием эту группу, впервые о себе заявившую в ныннешнем десятилетии. Ибо, несмотря на небольшую ее численность и налет экзотики, который несет на себе ее продукция в восприятии большинства читателей, успехи "новых правых" налицо.

В их активе — влияние на общую парадигматику крупнейших оппозиционных изданий 1991—1994 гг. ("Дня", "Завтра", одно время и "Нашего современника"); поддержка со стороны таких фигур оппозиции, как А.Проханов, В.Алкенис, С.Бабурин, митрополит Иоанн; паблисити, созданное группе Дугина "антифашистской" полемикой Кургияна, обозначившей серьезное расхождение внутри оппозиции, для которого лакмусовой бумажкой послужил вопрос о "новых правых"; постоянное их взаимодействие с европейскими единомышленниками, популяризация "Элементами" и альманахом "Милый ангел" образцовых текстов, представляющих эту часть спектра западной духовности. И самое главное — внедренное ими в российский политический дискурс противопоставление "евразийства" "атлантизму" в аранжировке, круто переосмыслившей "евразийские" геополитические установки, как они до сих пор понимались, а многими и сейчас понимаются в России.

При почерпнутости большинства эксплицитно заявленных идеологом русских "новых правых" из европейских праворадикальных образцов реальные достижения этой группы обусловлены попыткой включения данных идеологом в "домашний" российский контекст как формой "парадоксального ответа" на цивилизационную и, прежде всего, геополитическую ситуацию России 90-х годов. На деле из трех компонентов парадигмы "новых правых" — 1) "традиционализма", эзотерической религиозно-синкретической доктрины, связанной с именами Р.Генона, Г.Вирта и Ю.Эволя*, 2) социально-политической проповеди *третьего*

* "Новые правые" должны решительно возражать против оценки их эзотерики как религиозно-синкретической. Но я не могу назвать иначе дискурс, соединяющий сюжет прихода Антихриста с исчислениями сроков начала и конца Кали-юга

пути и 3) геополитического "антиатлантизма" — только последний получил реальный отклик в России. Сюжет "борьбы континентов" в его мифологичности легко прочитывается независимо от "традиционалистских" сказаний о приключениях гиперборейской и гондванической рас, — и для многих своих ценителей Дугин остается по преимуществу массовиком-затейником постмодернистского карнавала, где Берия и Андропов ряжены "атлантистами", а А.Лукиянов — Великим Магистром евразийцев. В нынешнем докладе геополитическая сюжетика "новых правых" мною будет рассмотрена как пример очередного западного привнесения, псевдоморфозно обретающего в России вполне автономную "внутреннюю форму", инкорпорируясь в собственно русскую традицию осмысления отношений между страной и миром.

Если авторы, придерживающиеся ортодоксально-евразийского дискурса, осуждают Беловежские соглашения как попытку России "эмигрировать из мира Евразии в Европу", то "новые правые", как я надеюсь показать, в роспуске империи ощутили, напротив, отторжение России от евро-атлантического мира. И спор с фактом геополитической "девропеизации" страны обрел у группы "Элементов" превращенное выражение в том "европейском ультраконсерватизме", которое у них точно констатировал У.Лакер*. В сегодняшнем российском геополитическом поле термин "Евразия", по удачному определению С.Чернышева, выступает знаком "фантомной боли по Союзу" — как очищенному от коммунистической маркировки самодостаточно-имперскому Большому Пространству народов. Наши "новые правые" осуществили прагматический сдвиг, делающий "Евразию" одновременно, если даже не в большей степени, знаком страдания по евро-атлантической причастности России. Как это достигнуто? — вопрос интереснейший для семиологии политического дискурса.

Мне уже доводилось писать о парадоксах существования в XX в. двух, западной и русской, различающихся традиций употребления термина "Евразия" и идеологического оперирования с ним**. На Западе "Евро-Азия", или "Евразия", — есть исключительно наименование континента в его целокупности. От этого узуса отпирывалась и почитаемая русскими "новыми правыми" германская геополитическая школа К.Хаусхофера, для которой в 20-е и 30-е годы "евразийская" геополитика ассоциировалась со сплочением пространств континента под началом германской или германизированной "срединной Европы" против соединенных морскими путями владений Британской империи. В русской же традиции — сперва сложившейся в эмиграции, потом усилиями Л.Гумилева натурализованной на советской почве — термин "Евразия" утвердился как синоним "большой России" в ее противопоставленности, главным образом, романо-германской Европе, а во вторую очередь, окказионально и ослабленно, также и южным платформам Азии. "Евразией" в русском узусе являются те внутренние пространства континента, где исторически совершался симбиоз русских с иными, прежде всего — в глазах евразийцев — алтайскими, тюрко-монгольскими народами. Два

* Лакер У. Черная сотня' происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 372.

** *Цымбурский В.Л.* Омонимия как ключ к исследованию) идеологии: термины "Евразия" и "евразийский" в двух геополитических традициях. — В кн.: Межвузовская научная конференция "Язык в контексте культуры" (Тезисы). М., 1993. Эти тезисы малодоступны по крайней мере, в Российской государственной библиотеке их нет.

года назад я высказал гипотезу относительно механизмов семантического смещения термина, которое обусловило этот ортодоксально-евразийский узус, и затем в текстах наших "новых правых" обнаружил прямое подтверждение оправданности моей реконструкции.

Ибо "новые правые" в России попытались синтезировать два столь различающихся словоупотребления и две надстроженные над ними, казалось бы, несовместимые геополитические идеологии. Несовместимые уже потому, что в трудах Хаусхофера оппозиция континентальной "срединной Европы" и океанической Англии соединялась с историческим сюжетом борьбы "срединной Европы" также и против степняков-кочевников, место которых будто бы заступили русские с их империей. Если говорить о реальной геополитике Третьего рейха, то в ней "контратлантическая" линия подчинялась настойчиво провозглашаемой Гитлером установке на консолидацию Запада, его народов и рас ради отвоевания Европой теряемых после первой мировой войны позиций в Ойкумене Попыткой синтеза этих ориентаций была проводимая Гитлером с периода "Майн Кампф" идея большого соглашения между Англией и Германией, при котором первая получила бы гарантии незыблемости своей морской империи, а вторая — свободу разрастания в континентальной Евро-Азии*. Сопrotивление англичан этому проекту открывало "зеленый свет" запасному варианту — притягиванию на сторону Германии антиколониалистической пропагандой народов континента, ущемленных англосаксонской экспансией, включая народы ислама, Индию, возможно, и Китай. При таком повороте Россия из простого объекта германского "евразийского" наступления могла превращаться в потенциального союзника и инструмент Третьего рейха, проводник его континенталистской стратегии, способный привлечь против Англии также и те племена, которые, собственно, к немцам испытывали бы недоверие как к одной из сил Европы**.

На поверхностном уровне эта доктрина должна бы оказаться в жесточайшем антагонизме с концепциями русских евразийцев. Если у них и возникло противопоставление "континента" "океану", то "континент" мыслился как удаленное от незамерзающих морей славяно-тюркское пространство "большой России", романо-германские же страны, включая "срединную Европу", были относимы целиком к враждебному "России-Евразии" миру "океана"***. Для русских евразийцев движение Германии в глубь континента выглядело частью агрессии "романо-германского шовинизма". В глазах же германских борцов за мировое лидерство "срединной Европы" русско-евразийские умления по поводу возникновения в славяно-тюркском симбиозе нового типа "степного русского человека"**** закономерно оборачивались отраженным в мемуарах В.Шелленберга кошмаром Гитлера насчет сталинской "тайной программы., осуществлять систематическое расовое смешение народов Советского Союза, стремясь к преобла-

* Гитлер А. Моя борьба. ИТФ "Т-ОКО", 1992. С. 118; *Фест И.* Адольф Гитлер. Пермь, 1993. Т. 3. С. 36 и след.

** *Haushofer K.* Der Nahe Osten im Vorschatten eurasiatischer Festlandspolitik // *Zeitschrift für Geopolitik.* 1939. № 16.

*** См.: *Савицкий П.Н.* Континент — Океан: Россия и мировой рынок. — В кн.: Исход к Востоку. Предчувствия и свершения: утверждение евразийцев. София, 1921. Кн. 1.

**** См.: Письмо П.П.Сувчинского П.Н.Савицкому от 19 августа 1924 г. — В кн.: *Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов.* М., 1922. С. 26.

данию монголоидных элементов"*, готовых двинуться против Европы. По записям И.Гегбельса, именно исходя из аналогии между большим советским наступлением в Европе 1944—1945 гг. и историческим напором кочевников на европейский мир, Гитлер на последнем этапе войны задумывался о варианте большого компромисса со Сталиным и сосредоточения всех сил Германии против англо-американцев. Вовсе не в смысле блока "континента" против "океана", а за тем, чтобы на какое-то время вынести антагонизм разноцивилизационных миров за скобки и добиться умиротворения коренной Европы на германских условиях**.

Резюмируя, скажем: в западной традиции "евразийская" геополитика предстает сепаратной геополитикой части евро-атлантической цивилизации. Эта геополитика может мыслиться либо в рамках общезападного колониалистского консенсуса, выделяющего "срединной Европе" уголья в неевропейской части Евро-Азии, либо как привлечение "срединной Европой" себе на подмогу иноцивилизационных союзников в ее борьбе за свое возвеличение — возвеличение в контексте своей цивилизации. В обеих версиях эта геополитика есть проявление географической дифференцированности романо-германской общности, трактуется ли эта дифференцированность как антагонистическая или неантагонистическая. Русские же эмигранты-евразийцы подавали свою теорию как программу противостояния "славяно-тюркской" России и романо-германизма — двух цивилизационных целостностей, дальнейшие разделения внутри которых полагались иррелевантными в отношении этой опорной оппозиции. Наши "новые правые" попытались синкретизировать две разноцивилизационные "евразийские" идеологии и тем самым невольно разоблачили базисный семантический механизм переосмысления русскими термина "Евразия".

В самом деле, сравнивая значения "Евразия-континент" и "Евразия-Россия", легко увидеть, что второе исторически производно, так как переносит на Россию уже существовавшее ранее название континента. Если германский геополитический дискурс использовал в рассуждениях о "евразийской" геополитике" общепринятое географическое употребление термина "Евразия", то дискурс наших евразийцев основывался с самого начала на термине, семантически смещенном относительно стандартного "фонового" узуса.

Анализируя это смещение, я в указанных выше моих тезисах обратил внимание на склонность евразийцев к словосочетаниям вроде "православная Россия и православная Евразия" и к сюжетам вроде того, что "Россия-Евразия" должна собрать воедино культурно рассыпавшийся континент, либо же в некоем будущем по всему континенту утвердится культура "России-Евразии", тогда как культура Запада будет вытеснена за океаны, в Северную Америку***. Эти наблюдения меня побудили предположить, что сдвиг,

* Шелленберг В. Мемуары. М., 1991. С 87; там же. С. 115 — определение Гитлером похода против СССР как строительства "евро-азиатской зоны".

** Гегбельс И. Последние записи. Смоленск, 1993. С. 96.

*** Бицилли П.М. "Восток" и "Запад" в истории Старого Света. — В кн.: Евразия... С. 91, Савицкий П.Н. Миграция культуры. — В кн.: Исход к Востоку... Кн. 1. С. 40 и след

породивший омонимию континента и России, являющейся его частью, был, сознательно или подсознательно инспирирован ортодоксально-православными представлениями родоначальников евразийства о романо-германской Европе как об отколовшейся, отпавшей части христианского человечества, лживо притязавшей на "католичность", "вселенскость", и о России, как будто бы подлинном прообразе тотальности христианства, отождествляемой, прежде всего, с целостностью исторического христианского ареала Старого Света. За наименованием в текстах евразийцев России — а, кстати, и Византии также*, — "Евразией" прочитывается внутрехристианский межконфессиональный спор с взаимными обвинениями в расколе целого. Отсюда понятно и то небольшое внимание, которое евразийцы "первого призыва" уделяли напряжениям между "Россией-Евразией" и нехристианскими азиатскими цивилизациями, за что, кстати, этих идеологов жестоко упрекал отошедший от них Г.Флоровский.

Если для Запада любая "евразийская" программа — это программа разделения внутри единой лидирующей цивилизации, то в нашем евразийстве первична была мифологема части, вполне представляющей разрушенное и, возможно, предназначенное некогда восстановиться конфессионально-цивилизационное целое, пока же подчеркнуто дистанцирующейся от другой части, которая, выпав из целостности, омертвела и утратила смысл существования. При посредстве этой смысловой схемы сюжет "похищения Европы" Россией, их будущего воссоединения конвертируется в прославление самодостаточности пространств "большой России".

Как же русские "новые правые" синкретизируют две геополитические идеологии, маркированные термином "Евразия" в различных — исходном и смещенном — его пониманиях, а по практическим приложениям тяготеющие к прямой конфронтации? Нет ли здесь простой эклектики? Такое впечатление может возникнуть, когда, опираясь на аппарат школы Хаусхофера и мечты ее позднего представителя Ж.Тириара, Дугин пропагандирует войну объединенной континентальной Евразии против Северной Америки как англосаксонского огромного "острова", — и тут же "Элементы" преподносят тексты, где "Россия-Евразия" заявляет претензии "выступать в Европе не только от своего имени, но и от имени всех евразийских народов Востока и в первую очередь — от имени народов тюркских"**. Две традиции, два разных евразийства сшибаются в трактовке России сразу и как самодовлеющей "Евразии", готовой представлять в Европе — так! не где-нибудь, а в Европе — славян и тюрков, и тут же — как части "Великой Евразии", встающей против "океана".

Наши "новые правые" могут опосредовать эту "сшибку" традиций не иначе, как открыто, декларативно выводя на поверхность дискурса мифологему "части, тождественной целому". Ибо, по утверждению "Элементов", "с чисто стратегической точки зрения, Россия тождественна самой Евразии хотя бы потому, что именно ее земли, ее население и ее индустриально-техническое развитие обладают

* *Савицкий П.Н.* Евразийство. — В кн.: Евразия... С. 167.

* "Элементы". 1992. № 2. С. 20; там же. С. 24 о "великой Евразийской Идее, Идее Востока".

достаточным объемом для того, чтобы... быть базой континентальной независимости... Только континентальная интеграция Евразии с центром в России может гарантировать всем ее народам и государствам действительный суверенитет". Потому для России "важнейшим стратегическим императивом является превращение "береговых территорий" в своих союзников, стратегическое проникновение в прибрежные зоны, заключение общеевразийского пакта"*.

Итак, Россия — потому и Евразия, что, во-первых, должна объять своим влиянием всю Евразию, а во-вторых, лишь на ее ресурсах и потенциалах страны Евразии обретут свой истинный суверенитет.

Схема, которую для ранних евразийцев приходится реконструировать, маячащая в их текстах лишь как сюжет неопределенно далекого будущего, "новыми правыми" заявлена впрямую, но с решительным "отлетом" от ее глубинной культурно-конфессиональной мотивированности. Речь ни в коей мере не заходит об охвате континента культурой русского православия. Оно и понятно, раз в философских изысканиях Дугина доказывается необходимость "ангелического" взаимопонимания православия с иными, христианскими и нехристианскими конфессиями на основе эзотерического "традиционализма" Генона — Вирта — Эволы, откуда и дугинские рассуждения о язычестве как "Религии Духа Святого", о Творении как гностическом указании на ущербность Творца т.п.** В анализируемом же тексте из № 4 "Элементов" заявляется, будто на культурном уровне отрицание Россией и Запада, и Востока вполне возможно, но эта обособленность должна быть преодолена на уровне военно-стратегическом, где зазор между Евразией-Россией и Евразией-континентом может и обязан быть снят. Это едва ли не последняя ступень десакрализации схемы, изначально выразившей православное воззрение на отношения разошедшихся платформ христианства: напряжения духовно-цивилизационного плана мыслятся разрешимыми по православным чаяниям., но в сфере военной стратегии! Для сферы же духовной предлагают православию признать его собственное, наиболее сокровенное содержание в синкретистских построениях западных "традиционалистов"-радикалов. Их же картина мира расценивается не как самосвидетельство евро-атлантической цивилизации об определенных аспектах ее нынешнего хабитуса, но на правах сверхценной вести о состоянии человечества и Космоса, включая Россию.

Первичное евразийство 20-х годов было реакцией на геополитическое и цивилизационное отдаление советской России от Европы, в том числе и на отказ западных держав серьезно противодействовать большевистскому опыту над Россией. Ответом стал компенсаторный миф о будущем вытеснении большевизма антизападнической, замешанной на православии культурой "степных русских людей", которой некогда, может быть, предстоит восторжествовать на континенте, — миф, спресованный в наречении России "православной Евразией". Идеологические искания русских "новых правых" стали реакцией на утрату Россией ее евро-атлантического веса под декларации об "об-

* Элементы. 1993. № 4. С. 31; ср. № 2. С. 22 насчет "проекта Великой Евразии с осью России".

** Дугин А. Метафизический фактор в язычестве— В кн.: Мильный ангел. М., 1991. Т. 1. С. 25 и след.

щевропейском доме", "возвращении России в Европу" и "приобщении ее к "мировому цивилизационному процессу".

По глубинной смысловой структуре "Евразия" в российском политическом дискурсе, с ее коннотациями "части, потенциально равной целому", — странный знак, подобный посмертной надписи на холсте художника Ионы из новеллы А. Камю, надписи, читающейся не то "объединение", не то "отъединение". Евразийцы-основоположники твердо читали "Россию-Евразию" как знак отъединения, относя реваншистские чаяния "похищения Европы" в неопределенную даль. "Новые правые" 90-х прочли: "объединение". При этом евразийская сюжетика Хаусхофера—Тириара с ее образом разъединенной в себе Евро-Атлантики подсказала группе "Элементов" их коронный ход, состоящий в противопоставлении Запада излюбленного и Запада демонического, осмыслив Россию в нерасторжимом единении со "своим" Западом как защитницу его от похищения атлантистским демоном, "новые правые" далеко перешагнули рамки германофилии, вообще отличающей ряд наших радикалов, от ВЖириновского до АБаркашева.

Насколько такой ход оригинален? В идеологической истории России известно немало попыток приписать этой стране сродство с некой особой частью, уровнем, подструктурой евро-атлантического мира, каковые принимаются за "свой", истинный Запад. Классическим примером тут могут быть большевики, объединявшие Россию с европейским рабочим классом. В наши дни, в 1993 г. русско-армянский философ К. Свасьян написал в предисловии к новому изданию "Заката Европы" О. Шпенглера, что именно в России Европа "больше самой себя", а на Западе она сокрушена американцами — наследниками пуритан, полагавших в Европе царство Антихриста*. Другой пример из того же ряда представляют некоторые выступления С. Кургиняна, который, как известно, в своей книге о власти и оппозиции в России обзывает группу "Элементов" "фашистским этапом антирусской игры"** . В упомянутых выступлениях последнего времени Кургинян охотно определяет Россию как "немодернизируемую, имперскую ипостась Запада". Осознает ли он принципиальную общность концептуальной операции, лежащей в основе этого определения, с ходом мысли наших "новых правых"? Ибо следующим логическим шагом как раз могло бы стать обнаружение на самом Западе его единосущной России благой основы с тем, чтобы противопоставив ее наваждениям модернизации, провозгласить союз России как "немодернизируемой и имперской" европейской ипостаси с теми движениями собственно в Европе, которые готовы были бы, по стопам Р. Генона и Ю. Эвола, поднять знамена контрмодернизма и Империи. Кургинян волен не идти в этом направлении: но этим не отменить принадлежности его определения России к играм русских, включая и "новых правых", в "свой" и "не-свой" Запад.

Опираясь на сюжетику Хаусхофера—Тириара, группа "Элементов" придала этой игре ясный геополитический смысл. Но ведь и такой оборот для русской истории вовсе не нов. Еще в 1854 г

* Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу — В кн *Шпенглер О. Закат Европы*. М., 1993. Т. 1 С. 119, 122.

** Кургинян С. Е. Россия — власть и оппозиция М, 1993 С 82.

Ф.И.Тютчев, осмысляя имперскую политику эпохи Священного Союза, разделял в одном из писем Запад на "Красный и тот, которого он должен поглотить", замечая о последнем: "В течение 40 лет мы оспаривали его у Красного"* . Но еще раньше в статье "Россия и Германия" (1844), оцененной Николаем I как точное выражение собственных мыслей императора, Тютчев отождествил спасаемый Россией "свой" Запад с германским миром, — "срединная Европа"! — а Запад демонически-революционный с той же Францией, которая в разработках "Элементов" часто, хотя и не без оговорок, причисляется к атлантистскому стану. Тема Священного Союза исключительно важна для выявления национальных предпосылок идеологии "новых правых" в России. Сама редакция "Элементов" недвусмысленно указывает на этот исторический прототип своего "евразийского" проекта, когда в статье, посвященной боснийскому кризису, патетически пишет про "глубинную и почвенную, собственно евразийскую... геополитику Православной России, ориентирующейся... в далекой перспективе — на новый Священный Союз"** . В другом месте Дугин называет Александра I за идею Священного Союза "глубоким евразийским мистиком"***. Получается, в той самой публикации, где Россия поименована представительницей евразийских народов Востока в Европе, за образец ее стратегии принята эпоха, когда Российская империя концентрировала свою политику на служении консервативной "европейской идее", оберегая Запад от грозящих ему революций.

Историки хорошо знают, как этот "ультраконсервативный европеизм" России в годы Священного Союза, ее движение в австрийском, срединно-европейском фарватере помешали ей всерьез поддержать пугавшие "срединную Европу" балканские православные национализмы с их естественной прорусской ориентацией. И вот — "Элементы" включают слова об установке России на новый Священный Союз в раздел своего югославского обзора, прямо посвященный войне сербов с этническими группами, тяготеющими к "срединной Европе". В результате, на пересечении актуального политического контекста и исторической памяти словосочетания "Священный Союз", для описываемой ситуации 1992 г. этот термин взаимоисключающими способами ассоциируется как с возможностью гипотетического союза между православной Россией и православными же сербами, так и с германо-русским "Священным Союзом" прошлого века. Попытка "Элементов" преодолеть это прагматическое "короткое замыкание" двух несогласуемых стратегий призывом ко всем силам, борющимся на Балканах, примириться и сплотиться против "врага за кадром", разрушающего Большие Пространства, лишь усугубляет двусмысленность вердикта. Однако разве подобная же двусмысленность не отличала всю балканскую политику России времен Священного Союза — политику, от которой и волки были не сыты, и овцы не целы, за что "срединная Европа" нам и выразила свою благодарность в Крымскую войну.

* См.: Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1957. С. 399.

** Элементы. 1992. № 2. С. 24.

*** Дугин А. Конспирология. М., 1993 С. 95

Сюжетика Хаусхофера—Тириара позволила русским "новым правым" пойти на медиацию между двумя контрастными геополитическими самоопределениями имперской России — между идеологией самодовлеющей "православной России-Евразии" и императивом, принуждавшим Россию служить "европейской идее", даже в ущерб собственной игре. И ведь получилось — если русские цари, оценивавшиеся современниками как "жандармы Европы", именно за служение *европейскому порядку* возводятся в звание великих *евразийцев*. После всего написанного протекание этой семантической трансмутации оказывается вполне прозрачно. Западническое историческое "оправдание России" через ее причастность к общеевропейским задачам и ортодоксально-евразийское — через собиранье ею внутриконтинентальных пространств легко сплавляются, поскольку сама "европейская идея" разъясняется как созидание "паневразийского суверенного гроссраума". И эта легкость синтеза может быть объяснена лишь той особенностью нашего евразийского континентализма как "обиженного", инвертированного европеизма, о которой я писал в статье "Остров Россия"*.

Кургиняна гnevят сопоставления в изданиях наших "новых правых" не только России с державою Чингисхана (по протоптанным путям Трубецкого, Савицкого и Гумилева-младшего), но и вместе с тем, вослед Тириару, "евро-советской империи", имевшей шанс возникнуть после третьей мировой войны, — с Третьим рейхом как первым наброском "европейского дома" до Волги. Однако полемисту следует ясно осознать, на что ему пришлось бы поднять руку, если бы он захотел быть последователен в критике идеологов, манипулирующих в качестве универсального медиатора со схемой, где пафос Большого Пространства объединяется с утверждением российской неотторжимости от Европы.

Я превосходно сознаю возможные выводы из призыва "Элементов" основать на российских ресурсах "континентальную независимость стран и народов континента". Когда Дугин, к примеру, рассуждая об исконном сродстве России с европейским консерватизмом, поминает в числе западных консерваторов-русофилов Ж. де Местра, вполне возможно, что в подтексте этой реминисценции мы найдем и де-местровский проект "европеизации" России через передачу власти в ней окатоличенной аристократии. Во всяком случае, от планов де Местра не столь уж далеко до прозрений Тириара, предвидевшего естественный "апофигей" российского наступления на Европу — в "евро-советской империи", где западноевропейцы обретут ключевые посты, а их капиталы невозбранно устремятся в Сибирь. В постмодернистском безудерже группы "Элементов" я нахожу блестящее модельно-имитационное подтверждение основных тезисов моего "Острова Россия" — о русском панконтинентализме как о деривате псевдоморфозного цивилизационного самоотжествления русских с Европой и о заключенной в этом панконтинентализме потенции растворения России в пространствах Евро-Азии через слияние российской геополитической

* *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: перспективы российской геополитики // Полис 1993. № 5.

платформы с платформою коренной Европы, агрессивное или капитулянтское. Труды Тириара, с которыми во время написания названной статьи я не был знаком, полностью согласуются с этим диагнозом, а разработки наших "новых правых", как геополитические, так и религиозно-синкретистские, обнаруживают оригинальный путь, открытый для части наших идеологов к провозглашению цивилизационной самоликвидации России.

Но может ли быть последователен в критике "новых правых" Кургинян с его "Россией как немодернизируемой, имперской ипостасью Запада"? И с его противопоставлением "Великой Евразии" Дугина и своей "срединной русской Евразии в векторе Камчатка—Адриатика?"* Как будто Россия, доросшая впрямь до Адриатики — до итальянского пограничья, не должна расцениваться как прошедшая уже три четверти пути к самоуничтожению в "евро-советской империи от Дублина до Владивостока"! Или будто не зрелище ялтинской Европы с Россией, простиравшейся к Адриатике, вдохновляло Тириара и сейчас, не меньше, чем память Священного Союза, воодушевляет наших "новых правых".

В этом докладе я выступаю исследователем идеологического дискурса, а не истории российской цивилизации. Но в текстах "новых правых" с рассуждениями об "Анти-России", встающей из разрушения евразийского Большого Пространства**, как и во многих иных публикациях последних лет я вижу симптомы большой цивилизационной проблемы. Эта проблема как раз и связана с геополитическим дистанцированием России после 1991 г. от Европы, с минимизацией ее присутствия в истории Запада, вообще, с утратой ею значительной части ее прежней европейской и континенталистской ангажированности. Рушится прежнее, привычное истолкование мировой роли России через принцип сквозного имперского контроля над внутренними пространствами континента, — но вместе с тем оказывается подорванным и осмысление русской истории через ее включенность в историю Европы. Иными словами, в сегодняшнем мироустройстве Россия перестает быть Великим Пространством, давящим на Запад и из соприкосновения с ним почерпающим свое историческое Время. Перед идеологами России встают два вопроса — по сути, двуединый вопрос: что такое пространство России, если не Большое Пространство всей внутренней Евро-Азии? и что такое время России, если не время евро-атлантической истории?

Русские "новые правые" предложили один из способов ухода от этих вопросов, состоящий в том, чтобы в истории самой Евро-Атлантики найти маргинальную, теньевую традицию и с нею соединить судьбу России, утверждая, будто с восстановлением этой традиции воспрянет, в единстве со "своею" Европой, и Россия Больших Пространств. К исканиям наших "новых правых" надо отнести серьезнее, чем это кажется Лакеру и даже Кургиняну. Соединив постулаты Хаусхофера—Тириара с мифологемами "России как части, тождественной целому" и "разделенности Запада на антироссийский и соипостасный России, в тяжбе которых исход определится ее вме-

* Кургинян С.Е. Россия: власть и оппозиция... С 168.

** Штена В. Анти-Россия // Элементы. 1992. № 1. С 57 и сл.

шательством", Дугин синтезировал миф, обеспечивающий медиацию между различными геополитическими проектами России в ее великоимперское 300-летие, миф, именно в национальной укорененности способный покрыть и "великие броски на Юг", и обращение российских ресурсов "на службу Европе... и миру". Критическая деконструкция этого мифа требует, на деле, прямой аналитической атаки против комплексов "европеизма" и "панконтинентализма" России. Избытие же этих комплексов я вижу только в усилении хронологической доминанты нашей цивилизации за счет пространственной, в повороте от определения России через ее пространства к определению через имманентный цивилизационный *ритм* со сменой экстра- и интравертных фаз, экспансий и кризисов, расширений и сжатий, уходов "в себя" и раскрытий в миры континента и океанов, — иначе говоря, в обретении собственного Времени России.